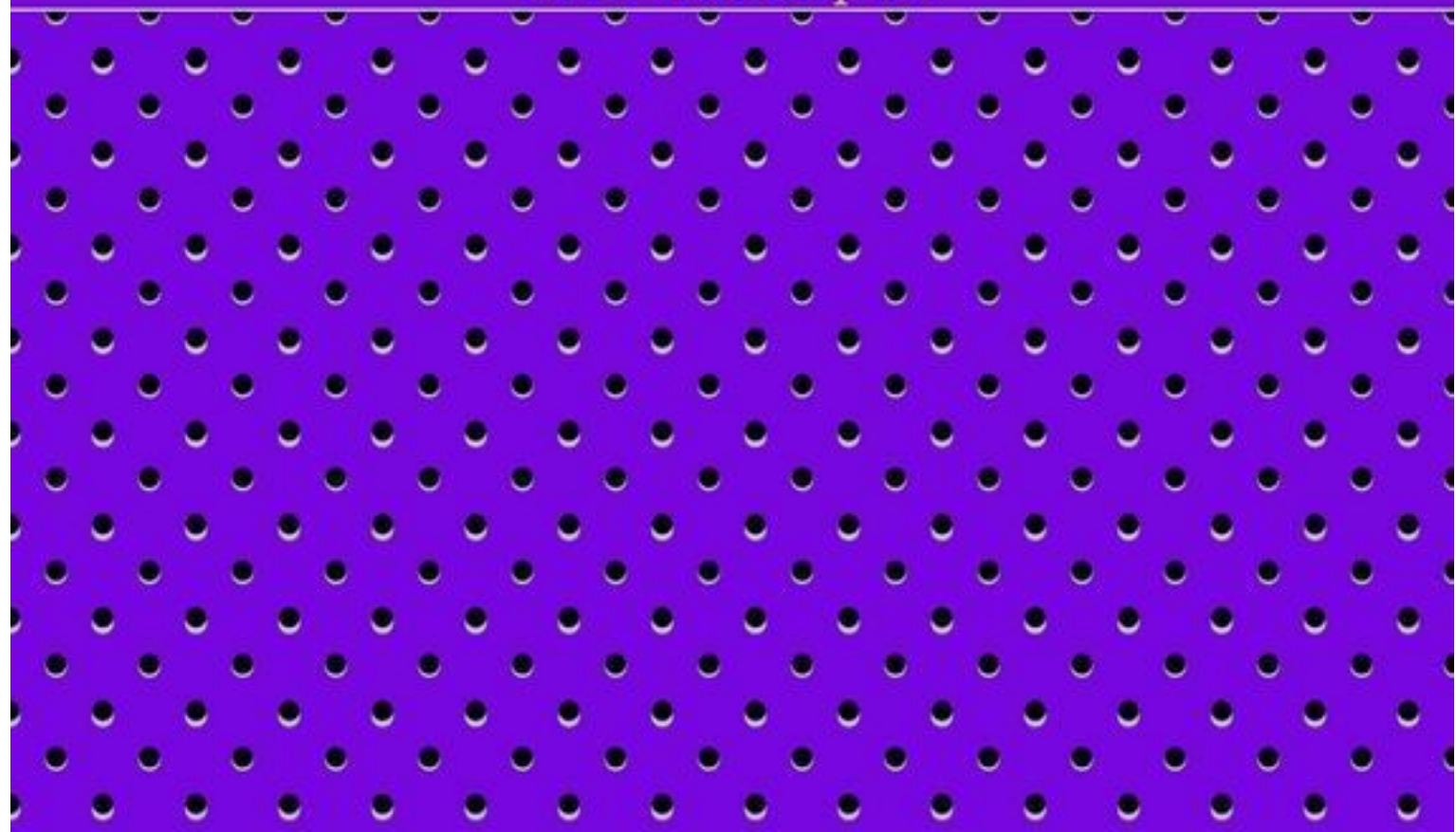

Борис Москвитин

Смех вечности

Всякие разные тексты о настоящих
людях и выдуманных событиях
или наоборот

Борис Москвитин

Смех вечности

«Издательские решения»

2015

Москвитин Б. В.

Смех вечности / Б. В. Москвитин — «Издательские решения»,
2015

Рассказы о живых людях (и не только людях!) и фантастических обстоятельствах, в которых они оказывались. В книге закодированы события из личной жизни автора, однако, по его собственному признанию, эти коды могут быть взломаны либо его друзьями, либо врагами. Образы друзей и врагов тоже закодированы, так что читателю с улицы остается просто наслаждаться неожиданными поворотами событий в этих умопомрачительных (в прямом смысле слова) текстах.

Содержание

Документальные рассказы	6
«Митрофанова! К доске!»	6
Коллекционный, или Три футбольных мяча	9
Кошка	11
Лока-самхита, или Бизнес-класс	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Смех вечности
Всякие разные тексты о настоящих людях
и выдуманных событиях или наоборот
Борис Валерьевич Москвитин

© Борис Валерьевич Москвитин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Документальные рассказы

«Митрофанова! К доске!»

Учителя очень любили смышленную и хорошенькую девочку Оленьку Митрофанову. Каждый раз, когда палец какой-нибудь строгой учительницы добирался в классном журнале до строчки с ее фамилией, улыбка озаряла обыкновенно кислую физиономию, но голос все равно со стальной ноткой призывно произносил: «Митрофанова! К доске!»

В тот злосчастный день все начиналось как обычно. Мама просыпала кашу, и пришлось наспех перехватить что-то противное из тюбика. На улице было белым-бело, под ногами хрустело, и Оленька куталась в свой любимый белоснежный шарф, изредка салютуя друзьям, перегонявших ее на скользкой дороге.

Нажав кнопку лифта, Оля подождала, пока в тесную кабинку набьется человек пятьдесят, и стала отсчитывать этажи. Внизу белела полоска взлетно-посадочной полосы, и редкие самолеты то взлетали, то падали на белую гладь.

Первый урок был география. Строго оглядев группу, Семеона Кирилловна волевым голосом произнесла: «Митрофанова! К доске!»

Оля поправила белый фартук, немного покачала бедрами, чтобы освободить затекшие ноги от тяжести, и медленно проследовала к учительскому столу. «Начинай», – глядя куда-то вбок, вымолвила великолепная Семеона Кирилловна.

– Австралия, или Австралийский Союз – одно из самых больших государств мира по площади занимаемых территорий. (Оля поглядела на доску, ища карту, и нахмурилась.) Австралия занимает сам материк с одноименным названием, остров Тасмания и несколько других островов Индийского и Тихого океанов. К северу от Австралийского Союза расположены Восточный Тимор, Индонезия и Папуа Новая Гвинея, к северо-востоку – Вануату, Новая Каледония и Соломоновы Острова, к юго-востоку – Новая Зеландия. Кратчайшее расстояние между главным островом Папуа Новой Гвинеи и материковой частью Австралийского Союза составляет всего сто сорок пять километров, а расстояние от австралийского острова Боигу до Папуа Новой Гвинеи – всего пять километров...

Что-то грохнуло у нее за спиной. Оля резко отпрыгнула в сторону, повернула голову и увидела, что пунцовая от гнева Семеона Кирилловна жмет на пульт, пытаясь спустить огромную карту мира с верхней перекладки, где стоит телескоп. Повернувшись к группе, учительница тяжело вздохнула и медленно проговорила:

– Что ж, деточка. Мифологию ты изучила неплохо. Но у нас, уж прости, урок географии, а не истории. Садись на место.

Оля, ничего не понимая, плюхнулась на стул и посмотрела на свою подругу Манилу, которая сидела слева у окна. Но Манила сделала вид, будто ничего не случилось, и Оля, обиженная на вредную девчонку, открыла тетрадь и от нечего делать стала рисовать снежных человечков на полях, время от времени замазывая их другим концом ручки.

На уроке математики случилось не менее странное происшествие. Влад Пантелеевич, высокий молодой учитель в квадратных очках с темно-вишневой оправой, нежным, как всегда, голосом попросил детей составить уравнение: $2 \times 2 = x$. Оля минуты три сидела с раскрытым ртом и тетрадью, не понимая, в чем здесь подвох. Наконец, решив, что не ее это дело, черкнула в пустой клеточке цифру «4» и стала болтать ногой, скучая и разглядывая ребят. Те почему-то корпели над задачей, а прыщавый Плюшкинс списывал у Микаэля, который Оле, что тут таить греха, очень нравился. Она так загляделась на белокурого Микаэля, что не заметила, как к ней подошел Влад Пантелеевич.

– Тюююю, – весело просвистел он, заглянув Оле в тетрадь. Поднял взор к высокому потолку, быстро вернулся к доске и начал чертить какой-то нелепый расчет. Вот что у него получилось:

$$2 \times 2 = x.$$

$$x. F = 1+$$

$$2/F = 2.2.$$

$$.= F/ [x]$$

$$x =. \{F2\}$$

Покачивая головой, Влад Пантелеевич опустил электронный мелок и нежно поглядел на Олю, но ничего не сказал, а лишь уселся за стол и нажал несколько кнопок. Однако ему не удалось дать новое задание, потому что прозвучал сигнал на большую перемену.

Обычно на большой перемене Оленька отправлялась в столовую, чтобы, отстояв длинную очередь, получить свой пакетик и долго грызть эти хрустящие кругляши, запивая черной бурдой, которую каждый день собственноручно заваривал Мстислав Гордеевич, главповар. Но сегодня кусок не лез в рот. Ребята проходили мимо, галдя и посвистывая, Манила даже не подошла, а Микаэль (и это было уже слишком!) объяснял что-то из алгебры противной Ком Чин Ю из параллельной группы. Еле дождавшись окончания пытки, Оля побежала в зал переодеваться. Уроки физкультуры она очень любила.

Глеб Карлович раздал всем странные длинные рукоятки с кнопкой сверху. Оля нажала кнопку, и из маленького отверстия вылетел огромный синий луч, как в «Звездных войнах».

– Ха ха! – засмеялась Оля. – Глеб Карлович, смотрите, как в «Звездных войнах».

Глеб Карлович нахмурился и сказал:

– Не шути так, Оленька. У многих отцы...

Тут он осекся, посмотрел на группу и нарочито суровым голосом скомандовал: «К бою!»

Все тут же разбились на пары, и Оля оказалась нос к носу с Манилой. Ее белое треко слепило глаза, и Оля только и успела увидеть, как подруга вскинула меч, прокричала по-японски: «Гири!» и с яростью обрушила меч прямо ей на голову.

Последние пару сотых секунды Оля наблюдала, как синее лазерное лезвие прочерчивает полукруг в воздухе и... Оля ловко отступила вправо, дождалась, пока луч опустится на двадцать пять сантиметров ниже пояса и нанесла колющий удар прямо в грудь Маниле.

Брызнула алым соком кровь. Глеб Карлович засвистел в свисток, все остановились, стали подходить и поздравлять Олю с победой. Манила лежала на спине, оскалившись в яростной гримасе, а пульсирующая из сердца и внутренностей бурая жидкость заливала ей лицо и волосы. Последнее, что услышала Ольга, падая без чувств рядом с подругой, был голос Глеба Карловича: «Вот ведь повезло – будет чем на биологии заняться».

Очнулась Оля в классе, на своем месте. За плечи ее придерживал Микаэль. Увидев, что одноклассница пришла в себя, он потрепал ее за ухо и сказал:

– Отлично. Ты пришла в себя вовремя. Сейчас как раз будем делать переливание крови твоей Маниле.

Перед учительским столом на полупрозрачном возвышении, похожим на римские алтари, лежала Манила, закрытая белыми простынями, а над ней, как коршуны, сгрудились ученики и учительница биологии Мэгги Вановна. Она бодро давала распоряжения, а ученики точными движениями прикладывали тампоны, передавали друг другу клипс-аппликаторы и вставляли капельницы. Ольга попыталась подняться, но, вновь почувствовав тошноту, опустилась на пол, ища ртом воздух, и наконец повалилась на бок, так ничего и не найдя.

***

Дома заботливая мамочка гладила Олю по голове и прикладывала ей ко лбу белую тряпочку, смоченную водой с солью.

– Милая ты моя дорогуща, – улыбнулась мама, когда Оля открыла глаза. – Устала наша девочка, совсем измучилась. Давай-ка я тебе почитаю сказку.

– Да, мама... Давай... Почитай.

– Вот слушай. «Давным-давно... на далекой зеленой планете Земля... жили люди...»

Коллекционный, или Три футбольных мяча

Основатель «Градусса» Юрий Райн сидел за большим дубовым столом и жевал табак. Дело было дрянь: этот Самойленко вообще нюх потерял. Мало того, что в штрафной принял мяч рукой, так еще и попытался врубить по лодыжке рефери. И правильно его не взяли в Лигу. Отправить бы его обратно в лондонский клуб, чтобы глотал туман и не отсвечивал. Это ж надо – тридцать пять миллионов! Тридцать пять миллионов...

Гневно-финансовые мысли писателя прервал резкий телефонный звонок. Юрий снял трубку на стареньком «Панасонике» с серыми протертыми квадратными клавишами и голосом Левитана проговорил:

– Ну и кто посмел потревожить мое одиночество?

– Добрый вечер, Юрий Пантелеевич, – мягким мужским баритоном прошуршало в трубке, – наша фирма «Зусвелс» предлагает сегодня три футбольных мяча по цене одного. Доставка бесплатная. На каждом мяче возможно выгравировать вашу подпись или любую другую надпись по вашему желанию.

– Послушайте, мальчик, – притворно-вежливо просипел писатель, – во-первых, я не Пантелеевич, а во-вторых, если Вы еще раз сюда позвоните, то Я ЗАКАЖУ ВАС САМИХ! С ВЫГРАВИРОВАННЫМ ИМЕНЕМ НА ЛУЧШЕМ ИТАЛЬЯСКОМ МРАМОРЕ!

– Как Вам будет угодно, – вежливо ответила трубка и повесилась.

«Черт знает что! Черт знает что!» – ворчал про себя писатель, запахивая серый халат и выбираясь из мягкого английского кресла, чтобы пойти на кухню утолить жажду. «Эти рекламщики! Эти паразиты! Этот гугл, который знает все наши мысли! Неудачники! Лохи! Я вот им... А! Идея! Хорошая идея... Очень хорошая... В следующий раз я им отвечу так: Вы позвонили по секретному номеру Федеральной Службы Охраны. Пожалуйста, введите идентификационный код...»

Но сообщить до конца гениальную идею своему сознательному «я» Юрий не смог, ибо, вошедши в кухню, обнаружил там незнакомого прелестного белокурого мальчика лет десяти. Мальчик сидел на табуретке за белым столиком и наливал в полулитровую кофейную чашку с изображением Микки-мауса густую изумрудную жидкость из высокой бутылки со старинной этикеткой.

– Ламесинт? – с правильным французским акцентом спросил мальчуган.

– Похоже, – шевельнул полублизанными губами писатель.

– Коллекционный? – снова задал непонятный вопрос гость.

– Вероятно... да, – медленно опустился на пол Юрий.

Мальчик смачно, со свистом отхлебнул из чашки, почмокал и сказал:

– Раньше люди бились за металл. Теперь они бьются за градусы, мон-сеньор.

«Мон-сеньором» основателя «Градусса» еще никто не называл, поэтому Юрий задумался. А мальчик продолжал:

– В тысяча триста пятьдесят восьмом году по Юлианскому календарю в маленьком городке Блискартель, что на пути из Рима в Северные провинции, родился гений. Звали его Бортоломей Пойе. Он не очень-то разбирался в богословии и устройстве небесных сфер, но кто-то свыше ему подсказал, что трава армуайзер может пригодиться в медицинских целях. Сначала он лечил этой настойкой кошек и свиней. Животные не только выздоравливали, но и начинали по-весеннему мяукать и хрюкать и становились очень послушными. На двадцатом году жизни Бортоломей захворала его пятилетняя сестра Эмма. Деревенские лекари разводили руками, а она лежала бледная, прижавшись щекой к теплой стене древнего римского дома, и отсчитывала минуты до смерти. Бортоломей решил рискнуть. Эмма выздоровела, а Бортоломей в сопровождении местного архиепископа отправился в Страсбург, чтобы открыть свой

рецепт самому Высокопреосвященству кардиналу Де Лорану. Прошло всего несколько месяцев, и красивое изумрудное снадобье в маленьких граненых пузырьках стали продавать во всех городских аптекарских лавках империи. Но счастью дорожек не подметешь. Через три года райнхаймский крестьянин Ганс Дроммер, купив у своего друга, бакалейщика Томаса Куренье, тридцать пузырьков, принял их все и в припадке ярости заколол разгребными сарайными вилами всю свою семью: жену Терезу, двух сыновей и маленькую дочку. На деревенском суде кто-то пытался усомниться в прямой связи армуазирской настойки с гневливым характером бедняги, но народ недовольно зашумел, и Ганса сожгли на соломенной куче как исчадь ада. Кардинал Де Лоран к тому времени уже отправился в мир иной, а его преемник, кардинал Сотти, человек нестигаемой воли, велел предать анафеме дьявольское зелье.

Мальчик подлил себе, отхлебнул и продолжил:

– Минули столетия. Все забыли об армуазирском лекарстве, когда вдруг в 1792 году по Григорианскому календарю некий Пьер Ординьер из Прованса нашел в монастырской библиотеке города Сан-Кота странные химические записи. Из праздного любопытства он решил приготовить снадобье, и результат был ошеломительным. Вуаля! Это был настоящий фурор! Брат его жены, месье Генри-Луи Перно в 1797 году открывает в Швейцарии заводик, где изготавливает абсент. Такой же заводик вскоре он организует во французском Понтарлье. Грамотный адвертисмон сделали абсент известным во всем мире. Но, увы, история повторяется, историю никто нынче не изучает. В начале августа 1905 года передовицы всех европейских газет пестрели страшными заголовками: «Швейцарский фермер Джин Ланфрей, напившись абсента, расстрелял из револьвера всю свою семью!» Главы кантонов, посоветовавшись, решили законодательно перекрыть дорогу смертельному напитку и организовали народный референдум, в результате чего в федеральную конституцию Дер Швайца была добавлена статья номер тридцать два, запрещающая производство и продажу абсента на территории страны. Однако ящик Пандоры был открыт. Идею танцев с зеленой феей подхватили певцы свободы. Пикассо в 1912 году написал картину, на которой была изображена бутылка «Перно» и бокал. А в 1913 году в Париже месье Чарльз Фоли поставил пьесу, так и названную – «Абсент». В 1915 году французский парламент запрещает употребление абсента во Франции. Это был последний запрет. Человечеству пришлось устроить две мировые войны, чтобы в 1981 году Евросоюз легализовал этот чудесный напиток!

Мальчик с легкой улыбкой повертел бутылкой, ловя мутным стеклом световых зайчиков от кухонной лампы, и нежно посмотрел на постаревшего основателя «Градусса»:

– Что ж, Юрий Пантелеевич, мне пора откланиваться. Бен нуар!

– Бен... – вежливо попрощался с гостем писатель.

– Можете не провожать. Еще не время. – ответил вежливостью на вежливость мальчик и, переступив через Юрия, скрылся в темном коридоре. Хлопнула входная дверь.

Через полчаса основатель «Градусса» нашел в себе силы подняться и сходить в ванную комнату. Умывшись ледяной водой, он медленно прошаркал обратно в кабинет, стараясь не оборачиваться и не смотреть в сторону кухни. На пороге кабинета он замер: на его большом письменном столе, заваленном книгами и альбомами с марками, красовалось три футбольных мяча. На каждом мяче значилось что-то свое. На первом размашистым почерком было написано: «Вздвогнем!», на втором тонким женским почерком: «Канешно!», а на третьем шрифтом Таймс Болд: «Не проситесь под наше одеяло!»

Кошка

Тут надо оговориться, что на своем веку я знал две Оли Назаренко. Та, о которой речь пойдет в этом рассказе – более поздняя, с которой я познакомился уже после школы. Вернее, после того, что было после школы. В общем, это не та, школьная, Ольга Назаренко, о которой я тоже обязательно что-нибудь напишу, когда придет время.

Итак, кошка. Ольге снилось, что она кошка. Серо-пепельная, с пушистым хвостом. Живет в квартире на третьем этаже, в старом московском доме, ни о чем таком не мечтает, просто ходит по темно-зеленому персидскому ковру в гостиной, медленно открывает лапой тяжелую дубовую дверь с красными матовыми глазницами, протискивается в коридор, точит когти о штучный паркет, захаживает как бы между делом на кухню, садится на кресло с круглой спинкой и пьет маленькими глотками молоко из желтого с серой каймой блюдца. Так проходило ее утро. Хозяйка по обыкновению повязала себе на шею поводок, а хозяин повел ее выгуливать. Таким образом, до самого вечера или ночи Ольга была предоставлена сама себе.

Допив молоко, грациозное создание легким движением хвоста смахнула блюдце на пол и, убедившись, что оно разлетелось на мелкие кусочки, отправилась умываться. Хозяйка не забыла на этот раз заткнуть одной из своих туфель сливное отверстие в ванне, и вода быстро стала переливаться через край. Персидский ковер отяжелел от потока и начал изгибаться, как китайский дракон, и осколки блюдца поплыли поверх огромного озера, похожие на дрейфующие мимо куски льда из холодильника, который заблаговременно с раскрытой дверцей был опрокинут навзничь.

Ольга порылась в сумке хозяйки и достала огромную зажигалку в виде лимонки. Взявшись на книжный шкаф, она отогнула кусок обоев, с тихим «мяу» прочитала в последний раз любимые строчки из газеты и дважды чиркнула кремнем. Загорелась пыль, воспламенилась занавеска, огонь перекинулся на книги и стал пожирать лики Стендаля, Гюго, Бальзака, Цвейга, Герцена...

На люстре ей было тепло и уютно. Где-то внизу, за много километров от нее, были видны языки пламени, слышны всплески разогретой воды, дикие крики соседей, вой пожарной машины, жесткие удары пожарных топоров. Внезапно стало темно – отключили электроэнергию. Крики постепенно стихли, шаги пожарных больше не раздавались в черной бездне, и Ольга согласилась с говорящим сверчком, что время пришло и скоро вернется хозяйка с хозяином и что им некуда будет повесить любимый ошейник, а завтра у них концерт, а все гитары сгорели от тоски по живым пальцам – уставшие от искусственной кожи, искусственных мелодий, искусственных эмоций и восхищенных взглядов накуренных придурков.

«Класс!» – заорала хозяйка, переступив порог. «О!» – заорал хозяин и больно дернул сожительницу за поводок. «Да! Да!» – в испуге зашла хозяйка и, обхватив хозяина руками в черных перчатках, вонзилась ему в уста кровавым помадным поцелуем.

«Фу» – подумала Ольга. Этого она терпеть не могла. И отвернулась от мерзких вампиров, которые начинали свою обычную оргию прямо здесь, на сгоревшем штучном паркете, на обезображенном персидском ковре, рняясь об осколки блюдца и пачкая себя пеплом с книг, доставшихся им от предков. «Фу» – подтвердила свой диагноз кошка и, перешагнув через разрушенную пожарным топором дверь, вышла на лестницу, поднялась на чердак, потом на крышу и там, дотянувшись лапами до края луны, вскарабкалась на сияющий диск и промяукала любимые строчки из спаленной в адском инферно газеты:

*У любви нет ни масти, ни ценника,
Нет ни света, ни тьмы в чувстве том.*

*Лишь дождаться бы нам понедельника,
А до осени мы доживем.*

Лока-самхита, или Бизнес-класс

Константин Григорьев, известный в Петербурге ресторатор, он же в вайшнавских кругах Нарасимхалока Дас, или для друзей просто «Лока», сидел в продавленном советском кресле перед телевизором и уговаривал пятую банку маслянистого, черного берлинского пива. Как вдруг в дверь позвонили.

Лока ждал этого звонка. С гримасой сожаления отставив банку на пол, он пошел открывать, прежде чем гость нажмет кнопку соседей. Коммунальных скандалов Лока терпеть не мог, и вообще был парень миролюбивый и веселый.

На пороге стояла маленькая старушка в бежевом, хорошего покроя пальто, в белых туфлях с золотыми декоративными пряжками и в желтоватой старомодной шляпе. Глаза ее добро улыгнулись Локе, и мягким, интеллигентным голосом она сказала: «Я – Лиля Никаноровна, от Владика, мы договаривались о встрече».

– Прошу, – широко улыбнулся ресторатор, однако старушка, нежно склонив набок голову, отказалась входить: «Внизу нас ждет автомобиль. Тут недалеко, на Гороховую. Посмотрим помещение, обо всем и поговорим».

Ну что ж. Лока быстро нацепил первые попавшиеся кроссовки и, благородно поддерживая старушку под руку, спустился вниз. У подъезда их ждал большой черный Хб. Водитель, немолодой детина офицерской выправки, цепким взглядом осмотрел Локу, старушка чему-то загадочно улыгнулась, и они полным ходом помчались к центру.

Через двадцать минут они подрулили к дому 36 по Гороховой улице, той самой, что упирается прямо в Адмиралтейство и которую Петр Первый хотел сделать главной улицей Санкт-Петербурга. «Осторожно, здесь ступеньки» – вежливо предупредила Лиля Никаноровна и, сняв табличку «Закрыто. Идет ремонт», отворила дверь. Они спустились на несколько ступенек вниз, старушка включила карманный фонарь и провела Локу в кухню. Здесь и состоялся этот разговор:

– Вы знаете, вас рекомендовали не только как опытного ресторатора, но и человека, умеющего хранить тайны.

– Весьма польщен, – засмутился Лока.

– Так вот. Небольшая предыстория. Мой сын, известный бизнесмен Р., подарил мне на день рождения это небольшое помещение. И денег тоже, разумеется, чтобы я могла открыть ресторан своей мечты. Детской мечты. Какая мечта? Видите ли, мы живем в новом, необычном мире. Это мир свободы, где нельзя и даже преступно скрывать и не давать ходу своим чаяниям и мечтам. Я долго не могла понять этой простой истины – советское воспитание, интернат для детей-блокадников, БАМ... Ах, да что говорить. Все люди несчастны, потому что не знают своей мечты, своей истинной мечты, и потому небеса лишают их сил делать что-либо, достигать цели. Все рождены, чтобы смеяться от счастья, вырастать, как из желудя вырастает мощный дуб, который дает надежду еще миллионам таких же желудей прорасти в земле и стать настоящим деревом. Мечты – это наш человеческий клад, и к нему, этому кладу, неприложимы меры, которыми мы обычно измеряем жизнь. Мы слишком глубоко загнали себя в рамки догм, правил, закона, обычаев, предубеждений, ложных парадигм. Вы понимаете эти слова, молодой человек? Да. Хорошо. Так вот. В этом ресторане будут готовить и сервировать людей.

Лока сделал шаг назад и уперся задними карманами джинсов в холодный железный стол.

– Что вы так шараетесь, Константин? Нет, не думайте, мы не будем убивать кого заблагорассудится. О! Вы столь многого не знаете о жизни. Во-первых, есть множество людей, которые мечтают, чтобы их съели. Да-да, поверьте мне. Я дам вам адрес интернета, где публикуют объявления со всего света. Вы понимаете по-английски? Хорошо. Сами посмотрите. Во-вторых, эти маленькие беззащитные крошки, которых подбрасывают в детдома. Вы были когда-

нибудь в детдоме? О, вы многого не знаете, Константин. Не дай Боже вам узнать, что там делают с детьми. А ведь их мясо, такое нежное, содержит в себе удивительные аминокислоты, самые редкие и самые полезные для остальных, состоявшихся людей. Вы скажете, что я чудовище? Отнюдь. Чудовища – это те, которые по разнарядке гособеспечения для детдомов получают черную икру и тащат ее домой, вместо того, чтобы кормить детей. Вместо того, чтобы стать для них матерью, они позволяют старшим издеваться над младшими. Это хуже концлагеря. Я буду выкупать новорожденных брошенных детей и... находить им новое предназначение на Земле. В конце концов, каждый из нас умрет, не так ли? Так зачем плодить духовных чудовищ, маньяков и алкоголиков? Пусть они послужат человечеству в этой роли. Вы говорите – это бесчеловечно? Но разве человечно посылать молодых мальчиков на бойню войны? Разве человечно придумать динамит и назвать своим именем миллион долларов, обогранных кровью разорванных этим динамитом человеческих тел? Человечество варварски обращается с собой. Оно уничтожает себя неправильно, без пользы. Я же хочу открыть новую эру – полезного уничтожения. Вы возразите: закон! Но мы работаем и в этом направлении. Изменить закон просто: достаточно, чтобы общество на уровне архетипа созрело для данного явления и приняло его как природное естество или необходимость. Вспомните – еще пятьдесят лет назад о гомосексуалистах можно было прочесть только в сводках судебных дел. Вы слышали о теории Джоуэлла? Нет? Это очень простая теория. Для того, чтобы изменить общественное мнение, нужно всего лишь четыре шага. Первый шаг – то, что является табу и невыносимым, выносятся на рассмотрение ученых. Скажем, ученые изучают каннибалов Океании и пишут диссертацию. Создаются симпозиумы по людоедству, потом научные конференции, может быть, деканаты в некоторых престижных университетах. Второй шаг – появляется информация, что каннибалы есть и среди нас. В последнее время много случаев. Про интернетовский сайт я вам уже говорила. Третий шаг – в обществе организуются группы, которые яростно борются с каннибалами. Лучше, чтобы это были какие-нибудь фашисты. В какой-то момент они должны убить каннибала, и тогда голову поднимают – это четвертый шаг – общественные движения за права человека. Вот и всё. Как просто, да? (Старушка звонко, по-девичьи, рассмеялась.) Так что об этом мы тоже беспокоимся, уже налаживаем первый шаг. Вы читали? Несколько лет назад в русскоязычной версии журнала Менс-Хелф была опубликована статья в научных тонах – а попросту рецепт из Полинезии, где врагов любили жарить на костре. Так мило наш журналист обо всем рассказал. Особенно мне понравился пассаж о том, что самое вкусное – голову врага – отдавали детям.

Лока пошарил в полумраке руками и нащупал на столе огромный нож-тесак. Непослушной рукой он сжал рукоять и спросил:

– Так, значит, здесь будут разделять людей?

– Ну... в каком-то смысле – да. Самые полезных. А к вам у меня просьба – насчет интервьюера... Понимаете, мы хотели бы оформить это в смешанном стиле: как будто что-то старое, дикарское, но в то же время очень ультра-новое, модное...

Лока не дослушал. Выхватив тесак, он молниеносно приставил его к шее Лили Никаноровны и сильным движением обеих рук надавил на лезвие. «Гхаааа!... Гхааа... А... А...» – промычала старушка и протянула к Локе костлявые руки, погладила его бедра, потом колени и быстро сползла на пол. Лока пошарил в ее сумке и достал маленькую «беретту». Осмотрел – заряжена. План созрел быстро.

Лока повертел несколько раз головой влево-вправо. Подышал глубоко, зажав поочередно левую и правую ноздрю. Успокоился. Вспомнив актерское прошлое, соорудил тревожную искреннюю мину и выбежал на улицу, к машине.

– Скорее, скорее, Лиле Никаноровне плохо! – закричал он водителю.

Водитель пулей выскочил из салона и, отпихнув Локу, ринулся в помещение. Лока поднял руку и резко нажал на курок. Выстрел был легкий, неслышный – эта модель была специ-

ально создана для таких случаев, когда цель на близком расстоянии и не надо большой скорости вылета пули. Водитель рухнул на ступеньки и скатился вниз. Лока быстро подтащил его с труп старушки, снял с обоих одежду, фонариком нашел в углу автоматическую установку для раздела туш и стал деловито нарезать тела на большие куски и складывать их в холодильную камеру, стоявшую в левом углу кухни. Через полчаса работа была закончена. Лока вынул из сумки старушки мобильник, нашел контакт «Сын» и нажал «вызов».

– Да, мамочка, слушаю тебя, – отозвался приятный баритон на другом конце.

– Это не мама, простите. Это врач скорой помощи Анисимов. Мы на Гороховой 36, у вашей мамы приступ, к сожалению, не можем спасти. Подъезжайте, когда сможете.

– ... Да... Буду... Сейчас буду, ждите.

Через полчаса у места происшествия резко затормозил серебристый «мерседес». Из него выскочил знаменитый на весь город господин Р. и... Лока поманил его рукой, все произошло быстро, как и с водителем. Только разделять его Лока не стал. Оставил там, где лежал – на ступеньках, со свернутой шеей. Протер «беретгу» и бросил в угол. Пошарил в карманах, обнаружил толстую пачку денег. Взял мешки с одеждой водителя и старухи, запер дверь, повесил табличку «Закр. Идет ремонт». Оглянулся. На Гороховой было оживленно, но никто не обратил внимания на рабочего с тюком мусора в руках. Лока перешел на другую сторону, в подворотню, нашел мусорный бак, кинул туда мешок. Вернулся, чтобы отогнать Х6, но заметил копошащихся рядом с машиной людей. Сперва испугался, что спецслужбы уже пронюхали, но потом с облегчением увидел, что это кавказцы – воруют авто. «Ну вот славно как!» – беззвучно засмеялся Лока, он же когда-то Константин Григорьев, бывший ресторатор. Поглядел на звездное небо и пошел к метро, насвистывая тихонько: «Говиндам... ади-пурушам... там ахам бхаджами...». Придя домой, позвонил в билетную кассу Пулково: «Алло. Мне билет до Калькутты. Да, Калькутта. Индия. В одну сторону. Что? Да, хорошо, давайте Эмиратами. Да. На (прикинул, за сколько дней получит визу) – давайте на пятнадцатое число. Хорошо. Да. С доставкой. Мне? (Провел по пачке денег, словно Орфей по арфе.) Мне – бизнес-класс. Григорьев Константин. Адрес запишите... Спасибо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.